

12+

Татьяна Турова

НЕСУразные истории

Татьяна Турова

НЕСУразные истории

«Издательские решения»

Турова Т.

НЕСУразные истории / Т. Турова — «Издательские решения»,

НЕСУразные истории — авторский сборник рассказов и стихов Татьяны Туровой. В несколько разделов собраны автобиографические истории, стихи, рассказы в стиле магического реализма и сказки, созданные на основе арт-терапевтических техник.

© Турова Т.

© Издательские решения

Содержание

АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ	6
Как я научилась плавать	6
Лето с подружкой	8
О чем молчат девочки	10
Старший брат	12
Городская	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

НЕСУразные истории

Татьяна Турова

Корректор Татьяна Косарева

Редактор Елена Пестерева

© Татьяна Турова, 2026

ISBN 978-5-0070-7225-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ

Как я научилась плавать

В моем детстве все складывалось неплохо, и даже спокойно, пока папа однажды не решил научить меня плавать.

Он очень переживал за меня, поэтому решил сам стать моим учителем. Но учитель плаванья из моего отца получился не очень...

Начнем с того, что день он выбрал для этого совсем неблагоприятный.

В этот выходной мы, по традиции, возвращались на моторной лодке по Днепру — широкой, могучей реке. Папа вывозил меня на природу, чтобы я дышала воздухом... Вдруг начался шторм. Мне, как шестилетнему ребенку, который не умеет плавать, стало очень страшно. Небо стало свинцовым, вода в Днепре из голубой превратилась в темно-серое месиво, которое швыряло нашу лодку из стороны в сторону, дул сильный ветер. Волны были выше бортов лодки. Каждое мгновение я с ужасом ждала, что сейчас одна из них как плюхнется к нам, и мы начнем тонуть. А папа еще такой, бормочет про себя, но вслух — хоть бы мотор не заглох. И по его лицу видно, что если это случится — будет совсем плохо. А лодка еле движется — волны бьют ей в морду, заливают мотор, от чего он, захлебываясь, рычит и воет. А ширина Днепра — около двух километров. И я понимаю, что даже папа вряд ли доплывет до берега, а я даже не знаю, как это делать. И как назло, в этот раз мамы с нами не было. Она бы наверняка что-то придумала — разведала тучи руками, ну или хотя бы отругала папу, что поехал на лодке, не посмотрев прогноз погоды.

В тот день у меня случилась инициация — советский ребенок начал верить в Бога, хотя нам говорили, что это плохо. Я просто слышала, что люди молятся каким-то скульптурам или фигурам, когда хотят от чего-то спастись. На Днепре не было никаких божеств, кроме огромных металлических буев, которые и сами, видимо, офигели от того, как их швыряло, словно пьяного после полочки.

У меня с собой была только самодельная куколка из ниток, которую мне кто-то подарил. До шторма я передарила ее папе, чтобы он повесил куклу на переднее зеркало, как талисман. Но от страха кукла была мной повышена до уровня божества, я сняла ее с зеркала, вцепилась в нее двумя руками и молилась... я не знала, как это делать, но почему-то я верила в эту куклу сейчас больше, чем в папины умения рулевого. Старалась закрывать глаза, чтобы не видеть страшные волны, которые были уже выше моей головы...

И тут мы наконец-то начали приближаться к лодочной станции. Видимо, гроза стала утихать и волны стали меньше. У отца не осталось сил плыть дальше, и он остановился на большом острове с городским пляжем, тогда он назывался Комсомольский, потом его переименовали в Монастырский. Там царила совсем другая атмосфера — вокруг острова не было никаких волн, видимо из-за неглубокого дна. Вышло солнце, народ блаженно валялся на ковриках и нагло купался. Как будто мы вышли из какого-то сумрачного портала на свет.

Я встала на песок и не могла поверить, что наконец-то чувствую под ногами твердь. Я ликовала — мы выжили, теперь мы не утонем! В воду мне больше не хотелось, с большой радостью я готова была остаться жить на этом прекрасном, безопасном городском пляже, усыпанном человеческими телами и окурками.

Но папа очень обо мне беспокоился. Хотя выглядело все наоборот... Много лет я не могла понять, что им двигало тогда, раз уж он решил сделать то, что сделал... Но только сейчас поняла, став взрослой. Он просто очень сильно испугался за меня... Потому что как еще объяснить то, что он вдруг предложил трясущемуся от страха ребенку вновь поплавать...

— Эээ... — как-то закрипело в моем детском мозгу. — Что? Плавать? Опять? Я больше никогда в жизни не хочу плавать...

Но папа не услышал этого протестного скрежета, взял меня подмышку и понес в воду.

Я вся сжалась, как пельмешек в морозилке:

— Шо, опять?

Папа посадил меня себе на спину, я ухватила за его шею. Вроде так не очень страшно. Он поплыл, а я висела у него на спине.

И тут папа сказал :

— А теперь мы будем нырять.

До этого он никогда не показывал, как это — нырять?

И тут случилось самое ужасное, что могло случиться в тот момент — он взял и преспокойно опустился вместе со мной под воду. Мерзкая пучина, которая только что нас чуть не убила, ворвалась мне в нос, рот, залила глаза.

Моя детская психика решила, что с нее хватит ярких ощущений. И отключила социальные рамки в моем мировосприятии — я просто превратилась в дикое испуганное животное... Которое вцепилось зубами в плечо отца... Животное было готово на все, только бы этот бесконечный кошмар под названием выходной на природе, наконец-то закончился.

Отец выпрыгнул из воды, как раненый кит, я тут же слетела с его плеч на мелкоту и поползла к берегу. Я рыдала, папа чуть не плакал, на его плече красовалось синее пятно в виде двух полукругов от моих зубов.

Лицо отца выражало полную растерянность, испуг и недоумение — чего это я вдруг? Все же было хорошо... Я ждала наказания и готова была его перенести, лишь бы меня больше не учили плавать.

После этого папа больше никогда и не пытался меня учить — он отдал меня в бассейн, к профессиональным тренерам. Ну и правильно сделал — подумал, наверное, пусть лучше их кусает.

В результате уже в четвертом классе у меня был разряд по плаванию и победа в соревнованиях между школами города.

А мама так никогда и не узнала об этой истории.

Лето с подружкой

У меня есть лучшая подруга Юля. Тем летом родители никуда нас не отправили отдыхать, поэтому мы проводили его вместе, в городе.

Познакомились мы с Юлей, когда переехали в новый дом. У Юлиной семьи такая же квартира, как у нас, только этажом ниже. А еще в Юлиной квартире всегда вкусно пахнет едой, красивая мебель и обои под цвет мебели, потому что Юлина мама сама делает ремонт в квартире. Тетя Лариса красивая, яркая женщина, у нее даже есть портрет, написанный художником, на этом портрете она изображена в красивом средневековом платье, как Мона Лиза. Кажется, Юлина мама идеальная, но их папа все равно однажды ушел от них. Это очень странно. Ведь тетя Лариса даже собственноручно положила красивый салатный кафель в ванной. Наверное, Юлиному папе не понравился цвет и он ушел к женщине с более красивой ванной.

Мне нравится дружить с Юлей, потому что ее мама ну очень вкусно готовит. Тетя Лариса всегда усаживала меня за обеденный стол на красивой кухне, не спрашивая, хочу я есть или нет. Еда была очень вкусная, даже слишком. Но я ела мало, не так, как Юля, поэтому тетя Лариса немного сердилась на меня. У Юли вообще все лучше, чем у меня — пианино с резными завитками, длинные густые волосы ниже пояса. У нее даже есть велосипед. Иногда мы по очереди на нем катаемся. Мой папа говорит, что тоже купит мне велосипед, когда я буду хорошо учиться. Но я не люблю шантаж, поэтому катаюсь у Юли на багажнике.

У Юли очень хорошая фантазия — она все время что-то придумывает, разные веселые игры. Однажды она предложила поиграть в птиц. Мы залезли каждая на свою ветку, чтобы высиживать там яйца. Но из-за того, что Юлина мама ну очень вкусно готовит, Юлина ветка не выдержала и моя подружка упала вместе со своим гнездом на землю. Хорошо, хоть не успела яйца снести. Потом я долго ждала, когда она снова сможет гнездиться. Но Юля больше не хотела вить гнездо на дереве.

Зато она придумала веселую игру с местной дворовой собакой. Она вообще очень любила собак, поэтому постоянно ходила в шрамах от их укусов. Так вот, с дворовым Пиратом она играла в догонялки — начинала от него убегать, а он ее догонял. Один раз она упала, а Пират так обрадовался, что с ним наконец-то хоть кто-то играет, что от благодарности обнял Юлю сзади лапами за талию и от избытка радостных чувств начал весь дергаться взад-вперед. Нам казалось это смешным и забавным, но прибежали строители с соседней стройки и начали кидать в Пирата палками и он убежал. Эти взрослые такие скучные — сами не играют и детям не дают.

Даже мой папа как-то отказался надуть мне красивый белый шарик, который я нашла во дворе. Я никогда не видела таких шариков и очень обрадовалась своей находке. Но папа не стал дуть и объяснил, что туда уже кто-то подул до него, а этот человек может быть чем-то болен и дуть в этот шарик больше нельзя. И сказал, чтобы я его немедленно выбросила.

Летом в городе очень скучно. Но Юля такая придумщица, мне с ней очень повезло. Она снова придумала, как мы будем играть. Недалеко от нашего дома есть воинская часть. И мы пошли играть с солдатами, раз с собаками нельзя.

Иногда из-за ворот воинской части выезжал поезд. И смотреть на него сбегались все местные дети. Поезд был настоящий, грузовой, с ржавыми вагонами, у которых с двух сторон были всегда открыты раздвижные помятые двери. Как в фильмах про войну. Внутри каждого вагона сидел солдат. И если двери закрыть, им было бы жарко. Юля предложила кидать мяч сквозь вагон. Мы с ней стали по обе стороны колеи и стали ждать поезд. И вот он выехал, Юля бросила мяч... но он ко мне не вылетел. Остался в вагоне. Через мгновение оттуда выглянуло удивленное лицо юного солдатики в пилотке и с широкой улыбкой. Он радостно выбросил нам мяч обратно. У этого совсем молоденького парнишки было такое тоскливое выражение глаз

— казалось, еще секунду и он бы выпрыгнул из вагона и стал бы с нами играть. Но ему было нельзя, и поезд уехал.

После этого случая Юля решила выйти на новый уровень игры. Она предложила пролезть под воротами военной части и поиграть в шпионов. Сквозь дыры в воротах мы увидели высокую траву и склад вдалеке, мы разработали план — проползти в этой траве до ближайших кустов... ну а дальше — сплошная импровизация. Идея была в том, чтобы вернуться с задания незамеченными. Часовой солдат стоял чуть дальше, в конце поля с травой, возле склада.

Мы пролезли под воротами и поползли, скрываясь в траве. Нас почти не было видно, особенно меня. А вот Юлина попа иногда возвышалась над растительностью. Напомню, ее мама ну очень вкусно готовила.

Юлю, а вернее, ее попу засек часовой. У него был настоящий автомат и военная форма. Я боялась, что нас арестуют за нарушение военной тайны и замерла в кустах, даже перестала дышать. Этот солдат тоже был совсем еще мальчик, как старшеклассники из нашей школы, я удивилась, что военные бывают такие молодые, как дети. Он был светловолосым, голубоглазым, с конопушками на носу. А еще почему-то он был в больших черных сапожищах до колен, несмотря на летнюю жару. Эти сапоги громко ухали при каждом шаге солдатики. Он как-то тяжело переставлял ноги, как будто боялся, чтобы сапожищи с него не слетели. Я сидела в кустах и пыталась понять, почему он не хочет сбросить их и пробежаться босиком по прохладной траве — ведь так намного удобнее и быстрее. Солдат прошел в двух шагах от меня, но меня не заметил.

С одной стороны, я обрадовалась, что оказалась лучшим шпионом, чем Юля. А с другой, мне стало немного обидно, что меня не замечают... Так как Юля в этот момент уже очень мило болтала с часовым и улыбалась во весь рот.

Но разоблаченная шпионка решила сдать меня и указала пальцем на куст, за которым я растворилась. Солдат снова подошел вплотную, но снова не смог меня разглядеть. Мне пришлось встать, и тем самым саму себя выдать.

Нас не расстреляли в этот раз и не арестовали, а вывели за ворота. У солдата, обнаружившего нас, было такое радостное лицо, как будто он поел мороженого или сходил на свидание. Видимо, он давно не видел живых людей не в форме. Парень не ругал нас, только сказал, что здесь нельзя играть и нам нужно срочно уйти.

Начинало вечереть и мы, как положено разоблаченным шпионам, отправились на конспиративную квартиру. Конечно же, Юлину. Потому что ее мама должна была снова приготовить что-то ну очень вкусное. И в этот раз я все съела и попросила добавки, потому что хотела, чтобы в следующий раз веселый мальчишка-часовой заметил и меня.

О чем молчат девочки

— Анна, Вы что, меня боитесь? — с легкой ухмылкой в голосе спросил Евгений, с которым они недавно познакомились через интернет. Он очень торопил ее с реальной встречей. Анна промолчала и ничего не ответила. Этот знакомый мужской вопрос снова кольнул где-то в глубине души, заставив слегка оцепенеть. Что она могла ответить этому едва знакомому человеку? Так же, как ни разу не решилась заговорить о том случае из детства ни с кем, даже с родителями. Неприятные воспоминания хотелось смыть и забыть навсегда.

Тем летом, по окончании четвертого класса Аня снова ехала гостить к бабушке в Армавир, впрочем, как и каждый год. После жаркого плацкарта было приятно вновь оказаться в тени развесистых орехов, растущих на просторном дворе. В поезде она предвкушала уже знакомые с малых лет простые детские забавы, доступные станичным ребятишкам. Главным и единственным развлечением для кубанских детей было, конечно же, купание в мутных водах быстрой горной реки Кубани — немного пугающей, но такой притягательной.

В этой реке часто тонули люди, особенно пьяные, быстрая вода сбивала их с ног и тут же уносила на глубину, закручивая в водовороты. Игра этих водоворотов темно-серого цвета была похожа на то, как осьминог закручивает свои щупальца вокруг пойманной жертвы — Аня как-то видела охоту осьминога в передаче «В мире животных».

Верным напарником в походах на речку был двоюродный брат Аняты, Сережа. Он был на год младше, доброжелательный конопатый мальчишка, хороший знаток местных развлечений для ребятни. Аняту смело отпускали с ним купаться. В те советские времена считалось вполне нормальным отпускать детей одних гулять, тем более южный городок был маленький и спокойный.

Однажды тетуски Аняты предложили ребятам: а почему бы вам не съездить в кинотеатр? Сережа хорошо знает город и вы не заблудитесь. Аняту очень удивил местный автобус — в ее большом городе она уже давно таких не видела. В нем еще остались прозрачные корабочки, в которые нужно было бросать монетку и выкручивать себе билет. Анята всегда старалась сесть поближе к этой коробочке — ей нравилось помогать пассажирам бросать монетки и передавать им оторванные билеты. Но в тот день в этом небольшом автобусе не оказалось свободных мест. Анята и Сережка старались держаться за поручни, чтобы не упасть, пока автобус ехал по разухабистой дороге. Им нужно было только переехать мост через Кубань, а там уже недалеко центр города с парком и кинотеатром.

Вдруг Анята услышала:

— Девочка, садись! — Какой-то седой мужчина предложил сесть к нему на колени. Он был опрятен и улыбчив, сразу вызвал у девочки доверие.

— Какой добрый дедушка! — подумала Анята. — И мне так неудобно перед Сережей, что я сижу, а он остался стоять. Все же как хорошо быть девочкой.

Тем временем добрый пожилой мужчина достал из кармана конфеты и протянул сначала Аняте, потом ее брату. По дороге он с большим интересом расспрашивал, куда едут такие самостоятельные дети, на что они все честно рассказали, как и положено юным пионерам — ведь в школе их учили уважать старших. Мужчина с радостью ответил, что он тоже едет в этот же кинотеатр, и взял инициативу на себя. В кассе кинотеатра он купил три билета, но так как до сеанса было еще полчаса, предложил подождать неподалеку, в заброшенном сквере, на скамейках летней площадки со сценой, заросшей травой и с потрескавшейся голубой краской.

Но Сережке долго сидеть не пришлось — седой мужчина на правах старшего отправил его посмотреть, не открылись ли двери кинотеатра. Анята сидела рядом и ждала возвращения брата. Вдруг седой мужчина предложил:

— Что ж ты сидишь на лавочке, садись мне на колени.

В этот раз это предложение показалось девочке странным — ведь вокруг столько свободных мест, скамейки стоят в несколько рядов, а сквер совершенно безлюдный. Анюта замешкалась, и тогда мужчина поднял ее и силой усадил себе на колени. Девочке захотелось сползти обратно, но она боялась его обидеть, ведь он был так добр к ним до этого. В этот момент вернулся Сережка, но седой мужчина через пару минут снова отправил его к кинотеатру и на этот раз сказал ждать там и прийти, только когда откроются двери.

Анюте почему-то не хотелось, чтобы брат уходил — ей вдруг стало не по себе с этим навязчивым и командующим мужчиной.

Как только мальчик отошел, Аня попыталась спрыгнуть с колен старика, но крепкие руки-клешни не позволяли ей освободиться.

— Не бойся, все хорошо, — зашипел он неприятным голосом.

Анюта не могла понять, хорошо или плохо то, что происходит. Но ей было неприятно, страшно и противно. Как будто добрый мужчина из автобуса вдруг превратился в чудовище, в осьминога из телевизора, обвившего липкими щупальцами ее тело. Девочке хотелось избежать этого пугающего ощущения, но ее тело больше не принадлежало ей — она вдруг превратилось в беспомощную куклу, с которой в любой момент могли сделать, что угодно.

Чувствуя сопротивление девочки, мужчина начал заметно злиться, его движения стали суевливыми и грубыми. Руки его пугающе тянулись дальше, он все сильнее прижимал испуганную девочку к себе. С ужасом Анюта ощутила, как мужчина прижался своей потной грудью к ее спине. От бессилия она громко заплакала. В этот момент монстр ослабил свои щупальца, и она смогла каким-то чудом выскользнуть из его потных отвратительных объятий.

Отбежав на несколько метров от оборотня, Анюта спряталась за дерево и продолжала плакать. А брат все не шел — ведь липкий осьминог приказал не приходить. Теперь она поняла, почему.

Мерзкий мужик продолжал сидеть на скамейке и сердито кричать, образ доброго дедушки резко исчез, как в какой-то чудовищной сказке.

— А ну иди сюда! Иди сюда, кому я сказал! — Анюта плакала и не знала, что делать. Идти или нет? Взрослых нельзя сердить, это невежливо. Она подумала, что что-то сделала неправильно, раз добрый мужчина превратился в злого монстра.

В этот момент неожиданно из-за спины девочки раздался женский голос:

— Ты знаешь его?

— Не-е-ет! — выкрикнула с мольбой в голосе Анюта. Если б ее спросили об этом у кинотеатра, она бы сказала, что знает...

— А ну пошел отсюда! — женщина свернула с тропинки и смело направилась в сторону скамеек, размахивая пестрой авоськой, полной продуктов.

— Пошел отсюда, я сейчас милицию позову! Не бойся его, девочка...

Осьминог в тот же момент перестал быть грозным, в его глазах блеснул испуг, он резко обмяк и, прижав к сгорбленному потному телу свои щупальца, соскочил со скамейки и начал быстро убегать, постепенно растворяясь меж деревьев.

Только тогда Анюта смогла идти. Она бросилась к кинотеатру, к своему брату, ей так хотелось скорей сказать, какой ужас с ней только что случился... Но вместо этого она смогла только произнести:

— Я не хочу в кино, поехали домой...

Сережа молча посмотрел на ее заплаканное лицо, ничего не стал спрашивать, молча кивнул и они пошли к остановке автобуса.

Переезжая мост через Кубань, Анюту захотелось броситься в ее мутные воды, чтобы очиститься от стыда и грязи, которая осталась на ее теле после прикосновений мерзких щупалец седого потного монстра.

— Лучше бы я родилась мальчиком, — подумала в тот момент девочка.

Старший брат

Мой брат Алексей был старше на семь лет и часто замещал мне моих родителей, пока те были на работе. Наверное, ему это не очень нравилось, но он был добрым и терпел свою младшую сестру. А мой отец Валентин был практичным — как-то он сказал маме, что им нужна трехкомнатная квартира, а не двухкомнатная, сел в самолет и летел три часа до Узбекистана, где в тот момент мама гостила у родственников. Тогда они с мамой были на грани развода из-за квартирного вопроса. Но папа сделал это, чтобы я появилась на свет ровно через девять месяцев и две недели.

Дело в том, что им наконец-то на заводе пообещали выдать квартиру. Папа все продумал — если дети будут разнополые, то положено три комнаты, а не две. И еще, в те времена отпуск по уходу за ребенком давали только на один год. Поэтому, пока мама Люда будет сидеть со мной новорожденной, старший сын Алеша пойдет в первый класс и тоже будет под присмотром. Все было настолько логично, что мама даже не нашла, что возразить, согласилась и вернулась домой.

Свое первое взаимодействие с братом я помню в свои три года в нашей коммуналке. Трехкомнатная квартира только строилась, а в коммуналке в каждой комнате проживало по семье, нас было уже четверо, а иногда в гости из Краснодара приезжала бабушка и спала на кровати, а родители — на полу.

Так вот, помню, было мне года три, сижу я на горшке, жую жвачку — огромный дефицит по тем временам. А тут Леша говорит:

— Хочешь семечек?

Я, конечно, хочу — у меня всегда был хороший аппетит. Жую семечки вместе с жвачкой. Чувствую, что-то и жвачка не та стала и семечки уже не проглотить. Тут Леша замечает эту серую массу у меня во рту, пугается, выхватывает и выбрасывает в форточку. Я очень расстроилась — оно хоть и не красивое, и не вкусное, но жевать можно было. Наверное, это был самый страшный конфликт, который у нас с ним произошел за всю жизнь.

Как-то Алеше задали во втором классе задание по рисованию, а он сидит и плачет. Мне стало его жалко, я высунулась из кровати и говорю:

— Леша, не плачь, давай я тебе нарисую.

Благодаря брату я очень полюбила играть мальчишечьими игрушками. Денег на игрушки у родителей не было, поэтому Алеша вырезал из детских журналов специальные выкройки и клеил из них красивые танки. Как-то я долго выпрашивала у него такой танк. Леша не давал, говорил «поломаешь!» Я не унималась — я была уверена, что не поломаю такую красоту. Он, скрепя сердцем, отдал, я тут же побежала к своим друзьям мальчишкам показывать, какой у меня танк. А они как раз полезли в котлован, который вырыли под новый стадион, крутой склон его был посыпан гравием. Ну и я за ними, с бумажным танком в руках. Вжух — и я на дне котлована, только гравий зашелестел. Белое платье стало черным, танк превратился в комок разноцветных бумажек. А мальчишки испугались и убежали. Но вскоре пришли перепуганные взрослые и вытащили меня из ямы.

Мне было очень жалко танк и Алешу.

Когда мы наконец-то переехали в нашу отдельную квартиру, мне, четырехлетней девочке, она казалась необъятной, я боялась в ней заблудиться. У нас с братом появилось по своей собственной комнате. Это было, как в сказке.

У Алеша было очень много друзей, наверное из-за его открытого и доброжелательного нрава. Я была не такая — я была маленькая бука с «характером».

С одной стороны, я безгранично любила своего брата, восхищалась им и гордилась. С другой стороны, когда мне ставили его в пример, — вот посмотри, Леша хорошо учится, Леша спортсмен, Леша добивается — меня это начинало сильно злить, и я ревновала, мне казалось, что его любят больше, чем меня.

Но тяжелее всего мне стало, когда он уехал учиться в Воронеж на все пять лет. Алексей мечтал стать летчиком — ведь он был таким романтиком и спортсменом. Я очень ждала, когда он вернется и снова будет жить с нами, и мы будем снова кидаться подушками и есть яблоки килограммами.

Однажды родители взяли меня с собой, когда ехали проводить его в военном училище. Мне не терпелось скорее увидеть своего брата. И вот он появился на проходной, вытянувшийся, в военной форме, такой взрослый и серьезный — я сразу бросилась к нему и неуклюже обняла, не дождавшись, пока он распишется в журнале — так и висела на нем, как радостная собачка.

Но после окончания училища Алеша не вернулся в свой родительский дом — он сообщил, что женится и уезжает с семьей служить в Пермь, на военный аэродром. Детство незаметно развеялось и растворилось, как утренняя дымка на ярком солнце.

Через несколько лет он с семьей все же вернулся в наш город — Союз распался, и родители устроили его на свой завод. Красивые, подтянутые парни, офицеры, с пониманием того, что такое честь и порядочность, стали никому не нужны.

В тот день, когда его не стало, я долго шла на морозе из института домой, часа два, так как трамваи не ходили из-за непогоды. Был жутко холодный март, как будто сама природа оцепенела от того, что моего светлого, доброго брата больше нет...

Узнала только поздно вечером — хотелось выть, кричать, выпрыгнуть вслед за ним в окно. Я всю ночь ждала, когда можно будет прийти утром в родительскую квартиру, в которой прошло наше детство и которая унесла его жизнь.

Возвращали к жизни меня только глаза родителей и Алешиных детей трех и четырех лет. Теперь я знала, какой силы эта боль — я бы не посмела причинить своим родным подобное.

Однажды брат пришел ко мне во сне и сел рядом на стул. Я как раз спала в той комнате, где это случилось. Сидел, опустив голову — как будто сожалел или соскучился по нам. Я очень удивилась и даже спросила его, что он здесь делает. Он не ответил, только сидел задумчиво и смотрел в одну точку. Я не знала, как ему помочь, и поэтому предложила стать моим ангелом. И он согласился.

С тех пор я знаю, что не одна — у меня есть самый прекрасный ангел из всех, улыбающийся, подтянутый, с замечательными каштановыми кудрями на голове и в красивой военной форме.

С тех пор он иногда приходит ко мне в сложные минуты, чтобы дать совет или поддержать, а иногда и отчитать, как старший брат. И с ним я ничего не боюсь — все страхи он забрал с собой, а мне оставил свой свет, доброту, правильные выводы и силу жить дальше.

Городская

Вы любите творить добро?

Раньше я это делала с большим энтузиазмом.

Но почему-то мои добрые дела часто не радовали тех, кого я хотела ими одарить, а наоборот... Постепенно для меня и тех, кто меня окружал, слово «сердобольная» приобрело новый смысл — это когда тот, кому я это добро сотворила, очень сердится и даже болеет...

Самый яркий, по масштабам жертв моего желания сделать мир лучше, случай произошел со мной много лет назад, когда я только вышла замуж. Юная, наивная, восемнадцатилетняя.

Я была городской девочкой из интеллигентной семьи, которая, кроме игры на фортепиано и вышивания гладью, не обладала больше никакими хозяйственными навыками. И вот я попала в семью селян, колоритных таких украинских колхозников, как из старых советских фильмов.

У меня было представление о колхозах, как в рекламе «Милки» — на зеленом лугу, выстриженном под лазерный уровень, гуляют сиреневые коровки, которые конечно же божественно пахнут ванилью и шоколадом. А все вокруг улыбаются и говорят: «Сегодня такое прекрасное утро, чего бы такого хорошего сделать соседям».

Мой свекор был трактористом на пенсии, маленьким, сморщенным как чернослив, от алкоголя и работы на солнце. С огромными руками-клешнями. Носил картуз и прекрасно играл на баяне, но постоянно пил. Свекровь была очень доброй набожной женщиной, родом из Ивано-Франковской области. Она и ее группа поддержки в виде двух взрослых дочерей называла свекра не иначе, как «агоист» и «олькаголик». Он не был согласен с этими утверждениями, поэтому в ответ кричал: «Я нэ пьяный, я рум'яний! Рот ваш, ёдом и зелёнкой мазаний!», — и напивался еще больше. Если это не помогало, по двору могли начать летать молотки и другие более весомые аргументы.

В общем, девочка, которая ехала в деревню, чтобы на свежем воздухе заниматься цигунгом, вдыхала запахи навоза от различной живности и наблюдала периодические сцены семейного абьюза, приправленного крепким матом. Но иногда наступали радостные минуты идиллии, свекровь и сестры мужа готовили что-то очень вкусное, и вся большая семья собиралась ужинать в просторной летней кухне. Свекор выносил свою гармошку и, рыча себе под нос, играл украинские народные песни, а мы дружно подпевали.

Бывало, ему, проголодавшемуся после рыбалки, наливали свежесваренного борща, он жадно хватал ложку, делал глоток и с криками «Кто сварил горячий борщ!» подскакивал на стуле. Вопрос был риторический и ответа на него он не получал — просто никто не знал, как можно сварить не горячий борщ.

Я чувствовала себя очень неловко оттого, что не вписывалась в окружающий пейзаж со своим ковриком для йоги и роялем.

Но я твердо решила, что сделаю все, чтобы стать своей в новой семье. И так как хозяйство у родителей мужа было большое — куры, утки, свиньи, — то я задумала стать полезной — настоящей фермершей!

В первую очередь я решила, что если покормлю свинок, это будет мило, и на одну заботу у родных станет меньше. Но получилось наоборот... Оказалось, свиней нельзя кормить виноградными листьями... Это был первый случай на селе, когда свиней не съели, а похоронили с почестями. Оказалось, что виноградные листья для них ядовиты, и свиньи померли очень

быстро, а их смерть сопровождалась жутким поносом. Я была в тихом ужасе, мне было жалко и свиней, и новых родичей.

Родители мужа горевали и косились на меня, но я себя не выдавала, только хлопала ресницами, а в душе хотела сгореть от стыда за собственную сельхоз-некомпетентность. Ну, не учили этому в школе... тем более, в музыкальной. А родичи не успели перестраховаться от моего внезапного энтузиазма и не предупредили, хотя эти злосчастные листья свисали прям над загородкой для свиней.

После этого случая мой энтузиазм не угас, а только разгорелся с большей силой, слепой и беспощадной. Я решила как-то искупить свою вину и принести пользу людям, которым я так навредила.

Я хотела, чтобы это было нечто грандиозное, такое, чтобы все ахнули! То, что они сами никогда бы не смогли сделать без меня. Ну они и ахнули потом...

Как студентка первого курса архитектурного факультета, я решила построить уткам бассейн! В какой-то умной газете я прочла, что если утки плавают, они лучше растут. И вообще, это красиво смотрится. А красоту я люблю. Кстати, в той же газете я прочла, что если растениям включать классическую музыку, они будут давать хороший урожай. И, наверное, впервые в истории села Екатериновки на ее полях звучал симфонический оркестр, вводя в недоумение не только людей, но и местных ворон, карканье которых заглушал кассетный магнитофон.

Так вот, воодушевленная и в предчувствии скорого триумфа, я взяла лопату и начала копать бассейн для уток. Надолго меня не хватило, и я подключила мужа. Но муж был милиционер, а не архитектор, и что-то не так понял. Он углубил мою яму, сделав строго вертикальные края, а не покатые...

В результате... Вы не поверите. Я и сама не знала, что такое может быть, — но утки утонули...

Я ведь делала бассейн не какой-то там обычный, а по последнему слову инженерного дела — со сливом воды через трубу в огород. Но стык бассейна и трубы немного протекал, да и сама чаша была сделана из подручных материалов — из керамической черепицы, перемазанной бетонным раствором. Не дождавшись, чтоб раствор застыл как следует, мы набрали воды.

Спрашиваю у мужа: не протечет? Он с важным видом специалиста отвечает: не протечет. Я с мужем спорить не стала. Я хоть и поступила недавно в строительный, но он все-таки мужчина — за ним и последнее слово. Если что, он виноват будет. Залили воду под вечер. Утки с радостью принялись купаться, а мы — с радостью ушли обмывать. Но за ночь уровень воды упал, и утки не смогли выбраться на берег. Всю ночь просидели в холодной воде и у них, как ни странно, парализовало ноги. Пришлось, не дождавшись, пока они вырастут, отправить их к утиному богу, в морозилку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.